

ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ.

МИХАИЛА МЕНЗЕБРА.

✓ Mikhail Aleksandrovich Menzbir

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Съ 8-ю хромоолитографированными таблицами.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Батковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1882.

A-17

ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ.

Михаила Мензбира.

Съ хромолитогравированными таблицами и картами.

MUS. COMP. ZOOL
LIBRARY
NOV 25 1959
HARVARD
UNIVERSITY

*Gift of
Mrs Ludlow Griscom
in memory of
her husband*

О Т Ъ А В Т О Р А .

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, занимаясь изученіемъ географич. распредѣленія птицъ въ среднихъ губ. Европ. Россіи, я пришелъ къ заключенію, что установить естественныя орнитолог. участки Европ. Россіи и опредѣлить ея положеніе по отношенію къ орнитологическимъ подобластямъ первокласной пале-арктической области можно только опредѣливши области распространенія видовъ вмѣстѣ съ изучен. физико-географич. условій. Такъ какъ такой методъ зоогеограф. изслѣдованій до послѣдняго времени практиковался только въ видѣ исключенія, то я тогда же рѣшилъ обратить наибольшее вниманіе на указаніе того, что только этотъ методъ зоогеограф. изслѣдов. можетъ считаться раціональнымъ и обзоръ географич. распредѣл. птицъ въ Европ. Россіи взять только примѣромъ, подтверждающимъ справедливость высказаннаго общаго положенія. Къ тому же сводка литературныхъ источниковъ о географ. распространеніи птицъ въ Европ. Россіи съ провѣркой ихъ по коллекціямъ являлась все болѣе и болѣе необходимой въ видахъ громаднаго значенія Россійской низменности въ дѣлѣ рѣшенія общихъ вопросовъ, и за эту сводку должно было приняты именно русскому орнитологу, такъ какъ „History of the Birds of Europe“, издаваемая первоначально Шарпомъ и Дрессеромъ, и позднѣе однимъ Дрессеромъ, несомнѣнно доказала, что такой трудъ, предпринятый даже выдающимися иностран-ными орнитологами, но только по литерат. даннымъ, ведетъ только къ ошибкамъ. Съ этой цѣлью я началъ разборъ русской орнитол. ф. по видамъ. Я тщательно изучилъ литерат. источники, пересмотрѣлъ всѣ доступныя мнѣ коллекціи и въ концѣ 1880 и въ началѣ 1881 года привелъ въ порядокъ общую часть и первую спеціальную, нынѣ выпускаемая въ свѣтъ. Ни ту, ни другую я не считаю законченной; общая часть не можетъ считаться тако-вой по обилію затронутыхъ въ ней спорныхъ вопросовъ, спеціальная—потому, что это первая (я говорю о Европ. Россіи) попытка свести въ одно многочисленныя, но разрозненныя свѣдѣнія о распротр. птицъ въ той или другой мѣстн. Европ. Россіи. Но

я считаю необходимымъ изданіе такой работы потому, что спорные вопросы разрѣшаются только тогда, когда ихъ перестаютъ прятать, а фактическій матеріалъ можетъ б. приведенъ въ порядокъ только тогда, когда извѣстно, что и гдѣ надо приводить въ порядокъ. Я не считаю свою «Орнитол. географію» ни первой, ни послѣдней работой по географич. распредѣл. птицъ Европ. Россіи—сводка требовалась (надѣюсь, этого не станутъ оспаривать) и я далъ, какую могъ, но, чтобы сводка удовлетворяла всѣмъ требованіямъ, объ этомъ надо заботиться не одному а всѣмъ орнитологамъ Европ. Россіи. Лично я убѣжденъ, что ко времени окончанія моей «Орнитол. геогр.» первая ея части потребуютъ большихъ измѣненій, но мнѣ кажется, что, не смотря на это, предлагаемые мной орнитолог. участки удержатся, потому что при установленіи ихъ приняты во вниманіе физико-геогр. условія.

Изъ коллекцій, бывшихъ въ моемъ распоряженіи при обработкѣ литерат. матер., я перечисляю слѣдующія: отъ г. Зандеберга изъ мѣстностей леж. между сѣв. Финл. и Бѣл. мор. (москов. зоол. музей), съ Урала отъ г. Сабанѣева (тамъ же и въ музей Общ. испыт. природы), изъ Оренбургской губ. отъ Крашенинникова (тамъ же), съ Сарпы отъ г. Арцибашева (тамъ же), изъ Крыма отъ г. Шатилова (тамъ же), изъ губ. Московской и разныхъ мѣстностей Европ. Россіи у г. Лоренца, изъ Тульской (собственные сборы), изъ Семирѣчья отъ г. Карелина (Моск. зоол. муз.), изъ средн. Азій отъ ген. Колпаков. (тамъ же), изъ-подъ Иркутска (у г. Лоренца) и др. Кромѣ того, въ послѣдніе годы я имѣлъ свободный доступъ къ коллекціи г. Сѣверцова (около 11,000 экзempl.), содержащей въ себѣ изумительный по богатству матеріалъ для орнитологіи средней Азій вмѣстѣ со множествомъ представителей орнитол. фауны Европы и сѣв. Африки.

Помимо коллекціи, Н. А. Сѣверцовъ обязательно предоставилъ въ мое распоряженіе большое количество собранныхъ имъ и еще нигдѣ не напечатанныхъ свѣдѣній о распространеніи птицъ въ Европ. Россіи и прилежащихъ частяхъ Азій, что значительно способствовало пополненію пробѣловъ при опредѣленіи областей распространенія видовъ, за что и выражаю ему мою глубокую признательность.

Николаю Александровичу

СѢВЕРЦОВУ

ВЪ ЗНАКЪ ГЛУБОКАГО УВАЖЕНІЯ БЪ ЕГО УЧЕНЫМЪ ТРУДАМЪ

И ВЪ ЗНАКЪ ДРУЖБЫ

ПОСВЯЩАЕТЪ

Авторы.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ ЗООЛОГИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ.

Г л а в а п е р в а я.

В В Е Д Е Н І Е.

Исторія зоологической географіи.—Терминологія.—Опредѣленіе задачи зоогеографіи.—Зависимость прогресса зоогеографіи отъ прогресса геологій и біологій (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова).—Зарожденіе зоогеографическихъ идей.—Плиній, Вирштгенъ, Симпсонъ.—Первыя зоогеографы.—Линней.—Циммерманнъ и Бюффонъ.—Возникновеніе представленія о зоологическихъ областяхъ.—Иллігеръ, Миндинъ.—Значеніе для зоогеографіи трудовъ Лайэля.—Свенсонъ, Шлегель, Гумбольдтъ, Вагнеръ.—Форбсъ, продолжатель работъ Лайэля.—Бергхаузь.—Шмарда и его значеніе.—Де-Кандолль младшій, данное имъ опредѣленіе задачи ботанической географіи и его методъ.—Риттеръ.—Дарвинъ; генеалогическое ученіе въ приложеніи къ зоогеографіи и смѣна направленія въ ученіи о географическомъ распредѣленіи организмовъ.—Скватеръ.—Людвигъ.—Мёррей.—Рютимейеръ.—Егеръ.—Уэллесь.—Сѣверцовъ.—Семперъ.—Альф. Милль-Эдварсъ.—Алленъ.—Заключеніе.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію исторіи зоогеографіи, которое, служа введеніемъ къ моему труду, должно познакомить насъ какъ съ тѣми результатами, которые достигнуты этою наукой, такъ и съ тѣмъ, что остается ей сдѣлать, мы, конечно, должны дать опредѣленіе этой науки. Сказать, что задача зоогеографіи или зоологической географіи состоитъ въ изученіи распредѣленія животныхъ по поверхности земнаго шара значить не сказать ровно ничего. Подъ такое опредѣленіе подойдетъ даже простое изложеніе фактическихъ данныхъ, относящихся къ гео-

графическому распространению животных, но, какъ бы полно это изложеніе ни было, ничего въ немъ научнаго не будетъ. На этомъ основаніи опредѣленіе зоогеографіи должно быть иное и, по моему мнѣнію, параллельно опредѣленію задачи ботанической географіи, сдѣланному Альфонсомъ Де-Кандоллемъ, самое точное опредѣленіе задачи зоологической географіи слѣдующее: *пониманіе современнаго распредѣленія животныхъ по поверхности земнаго шара*. Подъ терминомъ «пониманіе» мы, конечно, не должны разумѣть проникновенія въ сущность явленій; мы говоримъ, что понимаемъ явленія, когда знаемъ ихъ причинную зависимость; слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ—«понять современное распредѣленіе животныхъ по поверхности земнаго шара» значитъ не что иное, какъ *узнать, что въ современномъ распредѣленіи животныхъ можетъ быть объяснено нынѣ существующими и что прежде существовавшими условіями*, другими словами: не что иное, какъ нарисовать картину распредѣленія животныхъ во времени и пространствѣ. При такомъ опредѣленіи само собою понятно, какія сочиненія будутъ нами разсматриваться въ историческомъ обзорѣ зоогеографической литературы: не списки животныхъ изъ разныхъ мѣстностей, не монографіи, гдѣ указывается мѣстонахождение того или другаго вида, а только тѣ работы, авторы которыхъ брали на себя трудъ понять (конечно, на сколько то было возможно при извѣстномъ уровнѣ знаній) современное географическое распредѣленіе животныхъ.

Еще нѣсколько словъ для болѣе точнаго опредѣленія объема нашей науки.

Въ зоологической географіи мы должны различать два отдѣла: одинъ изъ нихъ, собственно *зоологическая географія*, изучаетъ *условія* распространенія и распредѣленія животныхъ по поверхности земнаго шара и обзрѣваетъ разныя страны съ фаунистической точки зрѣнія; другой, заслуживающій названія *географической зоологіи*, изучаетъ только географическое распространеніе животныхъ, т.-е. каждую группу со стороны ея распространенія. Слѣдовательно, первый отдѣлъ—біологическій въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, какъ второй—чисто географическій. Откуда происходитъ это раздѣленіе зоологической географіи на указанные два отдѣла—видѣть очень легко: въ изученіи распространенія животныхъ мы всегда должны

отличать *станции* отъ *областей*. Станція—терминъ чисто біологическій; мы имъ обозначаемъ совокупность внѣшнихъ условій, опредѣляющихъ собою распространеніе видовъ; область—терминъ чисто географическій, знакомящій насъ съ границами участка на поверхности земнаго шара, занятаго видомъ. Смѣшивать эти два термина—одна изъ грубѣйшихъ ошибокъ, хотя и возможная, какъ то будетъ мною пояснено ниже. Менѣе грубая, но все-таки важная ошибка—смѣшеніе терминовъ *распространеніе* и *распредѣленіе*. О распространеніи можно говорить только до тѣхъ поръ, пока разсматривается область каждаго вида, рода или семейства отдѣльно; разъ рѣчь заходитъ о сравненіи областей, занятыхъ разными видами, родами или семействами, или о размѣщеніи видовъ, родовъ и т. д. въ одной географической области, можно употреблять только одинъ терминъ—распредѣленіе, равнозначущій съ размѣщеніемъ.

Мнѣ кажется, что эта терминологія совершенно ясна и проста, но, не смотря на это, установилась она не далѣе какъ въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. Зоогеографія долго бродила невѣрными шагами. Въ ея исторіи часто приходится видѣть, какъ послѣ извѣстнаго періода, когда, казалось, можно бы ждать движенія этой науки впередъ, она подается назадъ, и проходятъ десятилѣтія прежде чѣмъ возобновляется прогрессъ. Но эта пора прошла. Въ настоящее время зоогеографія опредѣлилась въ своемъ объемѣ на столько же ясно, на сколько опредѣлились морфологія, систематика, фізіологія и пр. Позволимъ себѣ надѣяться, что отнынѣ прогрессъ ея никогда не смѣнится регрессомъ.

Зоогеографія прочно стала на ноги съ тѣхъ поръ, какъ двѣ науки, отъ которыхъ она всецѣло зависитъ, біологія и геологія, неудержимо пошли впередъ, опираясь на методъ изученія явленій настоящаго и уже отъ нихъ перехода къ прошлому. Чѣмъ бы современный намъ біологъ ни занимался, онъ всегда начинаетъ свое изученіе съ явленій настоящихъ, отыскиваетъ ихъ причины и уже затѣмъ переходитъ къ явленіямъ прошлаго, говоря себѣ, что нѣтъ никакого основанія предполагать, что во времена, предшествовавшія нашему, дѣйствовали иные факторы, что организмы находились подъ иными вліяніями, чѣмъ теперъ.

Но это перенесеніе факторовъ настоящаго въ прошлое, это

убѣжденіе, что какъ неорганическій, такъ и органическій міръ *всегда* находились подѣ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же условій существованія, всецѣло составляетъ пріобрѣтеніе послѣдняго пятидесятилѣтія. Какъ ни просто кажется намъ въ настоящее время признаніе положенія, что съ того момента, какъ появились вода и суша, на распредѣленіе ихъ вліяли однѣ и тѣ же постоянныя, неизмѣнныя причины, которыя мы можемъ изучать и теперь; какъ ни просто кажется намъ допущеніе, что съ момента своего появленія органическая жизнь находилась подѣ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же, отъ вѣка постоянныхъ причинъ, обусловливающихъ собою и разнообразіе органическихъ формъ, и ихъ современное распредѣленіе, и гибель однихъ изъ нихъ, и сохраненіе другихъ, тѣмъ не менѣе мы еще очень недалеко ушли отъ того времени, когда человекъ признавалъ, что современныя намъ причины явленій въ неорганическомъ и органическомъ мірѣ не существовали прежде; что въ прошлые вѣка дѣйствовали иныя силы, иныя законы сравнительно съ тѣми, какіе дѣйствуютъ теперь. Это было то время, когда геологія признавала «катастрофы», когда біологъ толковалъ объ уменьшеніи жизненной энергіи и не могъ уяснить себѣ соотношенія организмовъ; короче говоря, когда и тотъ и другой терпѣли крушеніе при всякой попыткѣ связать настоящее съ прошлымъ и признавали свое безсиліе, призывая себѣ на помощь во всякомъ затруднительномъ случаѣ внимательство какой-то неизвѣстной или, по крайней мѣрѣ, не подлежащей научному изученію силы.

Указанная только что зависимость прогресса зоологической географіи отъ прогресса біологіи (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) и геологіи находитъ себѣ подтвержденіе въ возможности раздѣленія исторіи этой науки на четыре періода, находящіеся въ самой тѣсной связи съ прогрессомъ біологіи и геологіи.

Первый періодъ, когда въ наукѣ господствовала гипотеза, отрицающая всѣ существенныя измѣненія въ органическомъ и неорганическомъ мірѣ; другими словами, гипотеза, по которой міръ отъ вѣчности пребываетъ почти въ томъ же состояніи, въ какомъ онъ находится теперь.

Какъ бы далеко мы ни проникали въ глубь вѣковъ, по этой гипотезѣ, мы всегда встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ или почти тѣмъ же

самымъ міромъ, въ которомъ существуемъ мы нынѣ. Жившія тогда животныя были прародителями современныхъ намъ и имъ подобны; точно также растенія, распредѣленія материковъ и морей, горъ и равнинъ—все это всегда было то же или почти то же, какое мы видимъ теперь. Такъ какъ подобное воззрѣніе на исторію земнаго шара, обуславливавшееся почти абсолютнымъ незнаніемъ, должно было рушиться само собою, едва накопился хоть ограниченный запасъ фактовъ, то я позволю себѣ не возвращаться къ нему болѣе.

Второй періодъ въ исторіи зоогеографіи беретъ свое начало въ то время, когда геологія, какъ объясненіе тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣла земная поверхность въ прошлые вѣка, признала «катастрофы», а въ біологіи господствовала теорія постоянства видовъ. Въ это время зоогеографы признавали, что фауны настоящаго и прошедшаго времени чрезвычайно отличны одна отъ другой, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавали и то, что фауна извѣстнаго періода имѣетъ очень мало или даже ничего общаго съ фауной періода предшествовавшаго, почти всецѣло или даже всецѣло погибшей вслѣдствіе какого-то необычайнаго переворота; признавали, что виды создавались высшею силою въ большомъ числѣ въ короткое время, когда послѣ катастрофы изъ хаоса вообще формировался весь новый міръ, не имѣвшій никакой генетической связи съ міромъ, существовавшимъ непосредственно передъ нимъ; что каждый видъ *созданный* для жизни въ предѣлахъ имъ населенной области, за которые онъ и не можетъ переходить; что въ этой области виды могутъ представлять нѣкоторыя отклоненія, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, но что и эти отклоненія, эти разности суть выраженія отдѣльныхъ творческихъ актовъ, цѣлесообразнаго проявленія творческой силы. Кончалась эпоха и виды, свойственные ей, погибали всѣ или почти всѣ благодаря внезапному перевороту, опять наступалъ хаосъ и опять высшею силою творились новые виды для жизни въ новыхъ условіяхъ, и т. д. пока, наконецъ, результатомъ одного изъ такихъ творческихъ актовъ не создавался современный намъ міръ, имѣющій въ перспективѣ такую же внезапную, эффектную гибель.

Третій періодъ въ исторіи зоогеографіи носитъ на себѣ чисто переходный характеръ и продолжался очень не долго. Въ это вре-

мя геологія сдѣлала шагъ впередъ, отказавшись отъ теоріи катастрофъ, біологія же стояла на прежнемъ уровнѣ, такъ какъ ученіе Ламарка, появившееся въ 1801 г. и еще болѣе развитое его творцомъ въ 1809 и 1815 гг., благодаря отсутствію научной подкладки, не удержалось и не оказало никакого вліянія на развитіе біологическихъ наукъ, толкнувъ, однако, впередъ геологію. Зоогеографы этого періода несомнѣнно ушли впередъ, даже сравнительно съ Бюффономъ и Циммерманномъ, которые въ общемъ стояли гораздо выше другихъ зоогеографовъ втораго періода, но шагнули какъ разъ на столько, на сколько имъ это дозволилъ прогрессъ геологіи. Такъ какъ геологи отвергли теорію катастрофъ, то не было никакой надобности признавать, что настоящія фауна и флора не имѣютъ ничего или почти ничего общаго съ фауной и флорой предъидущей эпохи; напротивъ, трудами многихъ натуралистовъ (особенно Ляйэлла *) и Форбса) было выяснено, что виды, составляющіе современную фауну и флору, введены были творческою силою не сразу въ большемъ числѣ, а вводились постоянно и постепенно; что нынѣшнія фауна и флора представляютъ собою результатъ только *измѣненія* фауны и флоры предшествовавшихъ, а не *полной ихъ смѣны*; и что, наконецъ, многіе нынѣ существующіе виды несомнѣнно существуютъ издавна; но объяснить все это думали допущеніемъ сохраненія видовъ разныхъ эпохъ при сохраненіи физическихъ условій, для которыхъ они были созданы, тогда какъ другіе виды, создаваемые творческою силою въ разные эпохи существованія земли, по мѣрѣ того какъ измѣнялась земная поверхность, и исключительно для извѣстныхъ физическихъ условій, по мнѣнію зоогеографовъ разсматриваемаго періода повымерли именно въ то время, когда прекратилось существованіе тѣхъ физическихъ условій, для которыхъ эти виды были созданы. Слѣдовательно, въ этомъ періодѣ зоогеографы признаютъ уже гораздо тѣснѣйшую связь между фаунами настоящаго и прошедшаго времени, чѣмъ зоогеографы втораго періода; признаютъ уже не одинъ центръ творенія для всѣхъ видовъ, а самостоятельные центры творенія для каждаго вида, признаютъ уже возможность измѣненія географическаго распределе-

*) Въ первомъ изданіи его Principles of Geology, 1832 г.

нія видовъ, значеніе естественныхъ преградъ (все это можно найти еще у Бюффона *) и Циммерманна, только общимъ достояніемъ эти положенія сдѣлались со временъ Ляйбля и Форбса), даже способность видовъ нѣсколько, предѣльно измѣняться, но для нихъ виды все-таки остаются чѣмъ-то постояннымъ и не стоятъ между собою ни въ какой связи: творческая сила, по ихъ мнѣнію, создаетъ эти виды только для извѣстныхъ физическихъ условій, съ прекращеніемъ которыхъ созданные для нихъ виды вымираютъ. Такимъ образомъ значеніе условій неорганическаго міра является слишкомъ преувеличеннымъ, такъ какъ выставляется исключительно причиной возникновенія и исчезновенія видовъ, а кромѣ того, выставляя каждый видъ результатомъ отдѣльнаго творческаго акта, выставляя каждый видъ стоящимъ особнякомъ, безъ всякаго отношенія къ видамъ, существовавшимъ раньше его, одновременно съ нимъ и послѣ него, зоогеографы третьяго періода очевидно были далеки отъ мысли, что всякая *фауна* (а равно и *флора*) *является прямымъ слѣдствіемъ существованія фауны (и флоры) ей предшествовавшей*. Исключеніе изъ зоогеографовъ третьяго періода представлялъ собою только Эт. Жоффруа С. Илеръ, который пытался провести гипотезу измѣняемости видовъ, говоря, что «животныя, нынѣ живущія, происходятъ рядомъ непрерывныхъ поколѣній отъ исчезнувшихъ животныхъ допотопнаго міра» (Mém. de l'Acad. des sciences. T. XII, p. 74; Rech. sur les gavials. Mém. du Museum. T. XII, p. 193), но Эт. Жоффруа остался въ своей попыткѣ на столько же одинокимъ, на сколько прежде него остался одинокимъ Ламаркъ съ своей гипотезой безконечной измѣняемости видовъ.

Наконецъ, съ 1858 г. зоогеографія вступаетъ въ *четвертый* періодъ своего развитія, который характеризуется тѣмъ, что *современная фауна рассматривается какъ извѣстное логическое слѣдствіе фаунъ предшествовавшихъ*; вмѣсто полной независимости одного вида отъ другаго, которая признавалась до 58 г., начиная съ него, въ біологическія науки все болѣе и болѣе проникаетъ идея о способности видовъ измѣняться въ границахъ. не поддающихся

*) Относительно вопроса о вымирании животныхъ только у Бюффона, такъ какъ Циммерманъ этого вопроса совсѣмъ не затрагивалъ.